

М. Н. Лату

Пятигорск, Россия

M. N. Latu

Pyatigorsk, Russia

ВОЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

MILITARY TERMINOLOGY IN MODERN POLITICAL DISCOURSE

Аннотация. Исследуются особенности использования военной терминологии в современном политическом дискурсе. Устанавливаются границы данного корпуса военной специализированной лексики. Раскрываются условия реализации коммуникативной стратегии «убеждение» и речевых тактик с использованием военной терминологии.

Abstract. The paper investigates peculiarities of military terminology in modern political discourse. Based on these characteristics the limits of the used military vocabulary are defined. It is described under what conditions military terms are used in communicative strategy «conviction» and communicative tactics.

Ключевые слова: политический дискурс; термин; научные понятия; коммуникативная стратегия.

Key words: political discourse; term; scientific notions; communicative strategy.

Сведения об авторе: Лату Максим Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур.

About the author: Latu Maxim Nikolaevich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Western European Languages and Cultures.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Place of employment: the Pyatigorsk State Linguistic University.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: Laatu@yandex.ru.

В настоящее время, безусловно, возрастает количество исследований, посвященных проблематике различных видов и аспектов дискурса. Такой интерес в значительной мере обусловлен тем, что выделенные в ходе дискурсивно-когнитивного анализа структурные и содержательные характеристики когнитивных моделей конкретного вида дискурса позволяют установить особенности мышления и речевого взаимодействия субъектов коммуникации. При этом, как считает Е. С. Кубрякова, данный подход объединяет исследования дискурса с позиций речевых актов и событий как особой формы репрезентации различных видов знания, определяющих речевые стратегии коммуникантов, а также использование конкретных языковых средств в ходе формирования дискурса [Кубрякова, 2000: 8].

Поскольку данный метод позволяет глубже изучить языковую картину мира, менталитет и культуру конкретной группы лиц, осуществляющих речевую деятельность, что во многом способствует успешной коммуникации, спектр исследований различных видов дискурса неуклонно растет. Так, И. С. Вацковская, исследующая когнитивные аспекты дискурса СМИ, указывает на такие особенности, как «ориентация на массового адресата, обработанность и сиюминутную релевантность информации» [Вацковская 2008: 545]. Л. В. Гарская, сопоставляя новостные тексты, отмечает, что «американские СМИ уделяют меньше внимания освещению событий за рубежом, чем российские СМИ. При этом в центре внимания оказываются те

темы, которые вызывают повышенный интерес аудитории» [Гарская 2008: 547]. Различным когнитивным аспектам поэтического дискурса посвящены работы Г. Н. Рябовой и С. В. Пискуновой. Не меньший интерес у исследователей вызывает анализ дискурса духовности [Силантьев 2006; Саркисян 2008] и проповеднического дискурса, рассматриваемого А. Д. Самойловой. Также привлекают внимание лингвистов авторский дискурс [Наумова 2008; Андреев 2008; Паули 2008], деловой дискурс [Ширяева 2006], диалогический дискурс [Григорьева 2006; Плотникова 2006], сказочный дискурс [Егорова, Косогорова 2008], рекламный дискурс [Грибова 2010; Давыденкова 2010] и др. Среди прочих актуальных для исследования видов дискурса можно выделить научный дискурс, а в его рамках — различные виды профессионального дискурса. Так, Э. В. Акаева предлагает исследовать особенности медицинского дискурса [Акаева 2008: 604—606], О. Г. Рудакова сосредоточивает внимание на исследовании математического дискурса [Рудакова 2010: 544] и т. д.

Не вызывает сомнений, что особо важную роль в жизни каждого человека и общества в целом играет политический дискурс. С. Н. Плотникова придерживается следующего его определения: дискурс политиков и дискурс о политике, в котором есть любые речевые образования, адресат, адресант или содержание, относящиеся к сфере политики [Плотникова 2009: 105]. А. П. Чудинов, говоря о политический коммуникации, выделяет следующие ее разновидности: «аппаратная политическая коммуника-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Лату М. Н., 2011

ция, политическая коммуникация в публичной политической деятельности, политическая коммуникация СМИ, политическая коммуникация рядовых граждан» [Чудинов 2006: 36—37]. Как считает А. Е. Валеева, «политический дискурс, оказывая влияние на формирование новых и трансформацию уже сложившихся мнений, воззрений, представлений человека, ориентируя его на активное переосмысление политических событий, становится неотъемлемым компонентом его жизни». А с увеличением влияния СМИ на формирование общественного мнения, «как посредника между властью и обществом, мощного инструмента политического воздействия и как средства создания и изменения существующей политической реальности» [Валеева 2008: 542], исследования аспектов политического дискурса (фреймовых структур, концептов, метафор и др.) приобретают особую значимость. Данный факт хорошо иллюстрируют недавние события в Ливии, когда обе противоборствующие политические стороны наряду с боевыми действиями вели активную «информационную войну» с целью внесения смятения в лагерь противника и оказания соответствующего влияния на нейтральные политические силы в стране и мире. Таким образом, исследование когнитивных структур политического дискурса позволяет пролить свет на способы эффективного коммуникативного взаимодействия между политическими сторонами, эксплицировать особенности мышления политиков, а также прогнозировать прагматический эффект речевых стратегий [Валеева 2008: 543]. Так, Н. Н. Ракитина, исследуя когнитивные аспекты использования аббревиатур в политическом дискурсе, указывает, что употребление аббревиатур российскими и зарубежными политиками способствует созданию и поддержанию собственного имиджа, а также имиджа политических партий, которые они представляют. При этом «сокращение имен собственных известных политиков является апробированным примером в языке политики, поскольку сближает народ с ними и, соответственно, несет позитивную коннотацию» [Ракитина 2010: 550]. Таким образом, автор совершенно справедливо указывает на то, что умелое использование различных средств языка и словообразовательных механизмов способствует успешному воздействию на адресата в политическом дискурсе.

Поскольку разные виды дискурса характеризуются различной функциональностью, использованием речевых моделей и языковых средств, интересным представляется изучение особенностей их взаимодействия. Так, очевидно, что некоторые виды дискурса взаимодействуют достаточно тесно. Например, К. К. Сунгуртян исследует лингвориторические средства выражения духовности (дискурс духовности) в эзотерическом дискурсе Елены Рерих; Е. Н. Золоторева рассматривает рекламный текст как одну из моделей реализации социально-поли-

тической коммуникации. С другой стороны, гораздо меньшей степенью соотнесенности характеризуются, например, детский и философский дискурс. Очевидно, что одни и те же коммуникативные стратегии могут использоваться в разных видах дискурса. При этом набор речевых тактик, употребляемых для реализации такой стратегии, в разной степени различается. Так, Э. В. Акаева, рассматривая реализацию когнитивной модели «убеждение» в медицинском дискурсе, утверждает, что такая коммуникативная стратегия является одной из базовых для данного вида дискурса. При этом известно, что стратегия «убеждение» также присуща дискурсу СМИ, и в особенности политическому дискурсу. Однако речевая тактика «инструкция», выделяемая автором, в большей степени характерна для медицинского дискурса, поскольку соотносится с научными текстами.

Набор языковых средств, употребляемых в разных видах дискурса, также может отличаться. Так, для всех видов научного дискурса характерно функционирование соответствующего конкретной области знания аппарата специализированной лексики. При этом использование научных понятий в нехарактерных или смежных для данной области знаний видах дискурса может представлять большой интерес для изучения, поскольку позволяет раскрыть условия взаимодействия видов дискурса и реализации коммуникативных стратегий и речевых тактик. Ввиду вышесказанного важным представляется исследование особенностей употребления военной терминологии в современном политическом дискурсе.

По своему определению термин обслуживает сферу научного знания: термин — слово или словосочетание, обозначающее понятие определенной области знаний, входящее в систему языка посредством конкретной терминологии. Считается, что термин характеризуется набором функций, среди которых: номинативная, дефинитивная, гносеологическая, а также сциентическая, подразумевающая восприятие значительным числом коммуникантов слова как неотъемлемой части стройной научной системы. Субстанциональные характеристики термина включают следующие отличительные особенности: лексическая и словообразовательная системность, тенденция к моносемичности в пределах своей терминологии, экспрессивная и модальная нейтральность, точность семантики, наличие дефиниции, отсутствие синонимии и др. [см. Лату 2009]. Из вышесказанного видно, что употребление термина в научном дискурсе всегда подразумевает системную соотнесенность выражаемого им понятия с другими элементами данной области научного знания, его точность, что ясно прослеживается в дефиниции, известной участникам коммуникации. Передача информации, как одна из функций научного текста, может быть выполненной и без синонимов, поскольку очень важна

точность, гарантируемая использованием термина. Вследствие этого один и тот же термин может употребляться в научном тексте столько, сколько требуется содержанием сообщения. Если же у термина все же есть синонимы, имеющие терминологический статус, их использование в данном контексте может лишь нанести вред и исказить смысл высказывания.

Проанализировав употребление военных терминов в высказываниях политических лидеров России и США, можно сделать следующие выводы об особенностях их функционирования в политическом дискурсе.

Использование смежных понятий. В более ранних исследованиях при анализе полевой и фреймовой структуры военной терминологии нами был установлен корпус специализированной лексики, единицы которого вербализуют понятия как сферы политики, так и военного дела. Это неудивительно, поскольку нередко взаимодействие политических сил влечет за собой военные действия, а политическое преимущество основывается на военном. Так, например, выделяемый нами слот, описывающий территориальные образования, является терминалом, смежным со слотами фрейма «политика», и содержит научные концепты, репрезентирующие территориальные единицы, которые потенциально могут относиться к конфликту, например *buffer zone*. К данному корпусу также относятся и термины, применимые во время дипломатических миссий, так или иначе затрагивающие военную тематику, например: *to declare a war*; *cease-fire talks* — и др.

Рассмотрим примеры их употребления в высказываниях представителей политических сил.

(1) *Obama indicated his intentions in comments at Strasbourg, France: "Even with the Cold War now over, the spread of nuclear weapons or the theft of nuclear material could lead to the extermination of any city on the planet. And this weekend in Prague, I will lay out an agenda to seek the goal of a world without nuclear weapons."*

В своей речи президент США, говоря о завершении периода холодной войны, указывает на окончание политического и военного противостояния, которое проявлялось в первую очередь в гонке вооружений. Существование и функционирование в речи упомянутой лексики является результатом естественного процесса взаимодействия сферы политики и военного дела, когда оружие используется как инструмент политического воздействия, а дипломатические миссии и переговоры — для прекращения вооруженных конфликтов, например:

(2) *Contributing ground-based troops will be the sum of what is expected under an eventual burden-sharing agreement," Mr Hansen continues. The mandate does not open for the presence of an occupying force, but NATO will not be changing tactics for now because of political and time issues.*

В языке взаимодействие двух сфер знания также находит отражение при образовании сложных терминов, элементы которых вербализуют понятия из сферы политики и военного дела, например *cease-fire talks*, включающий военный термин *cease fire* — «прекращение огня» и лексему *talks* — «переговоры».

Одной из существенных особенностей использования военной терминологии в политическом дискурсе является **временная соотнесенность** понятий, подразумевающая использование корпуса терминов, ограниченного временными рамками. Таким образом, в современном политическом дискурсе встречаются военные термины, вербализующие актуальные или не потерявшие свою актуальность на настоящий момент научные понятия. Следовательно, к данному корпусу терминологических единиц относятся лексемы, вербализующие различные боевые единицы, стоящие на вооружении конкретных стран, тактические приемы и способы ведения военных действий с их применением. Поэтому вполне ожидаемо, что в речи политических лидеров отсутствует лексика, вербализующая военное оснащение предыдущих эпох.

При этом термины, вербализующие понятия современной действительности, довольно часто используются в речи политиков, например:

(3) *"Our troops will continue the hard work of transitioning to a stronger Afghan government and ensuring that Afghanistan is not a safe haven for terrorists."*

Понятия «террорист» (terrorist), «террорист-смертник» (suicide-bomber), «террористическая организация» широко известны и употребимы сегодня, поскольку указывают на реальную военную угрозу. Еще один пример:

(4) *Defense Secretary Donald Rumsfeld tells the House Armed Services Committee: "Saddam has amassed large clandestine stocks of biological weapons... including anthrax and botulism toxin and possibly smallpox. His regime has amassed large clandestine stockpiles of chemical weapons, including VX and sarin and mustard gas..."*

В данном случае упоминание о конкретных видах биологического и химического оружия также указывает на определенный отрезок времени, когда им был присвоен этот статус.

Пространственная соотнесенность. Так же как временная соотнесенность ограничивает корпус военных терминов временными рамками, данная особенность использования военных терминов в политическом дискурсе подразумевает их соотнесенность с конкретной ситуацией. Так, при комментировании текущих событий в Ливии не идет речь о применении или угрозе применения ядерного оружия, поскольку данная страна им не обладает. С другой стороны, во время недавней войны в Ираке этот термин активно использовался в политическом дискурсе. Конечно же, относительно гражданской войны в Ливии речь не может вес-

тись и об использовании повстанцами космических вооружений. В контексте высказываний политических лидеров встречаются термины, имеющие непосредственное отношение к конфликту, например:

(5) *Министр обороны США Роберт Гейтс предупреждает: „Установление запретной для полетов зоны потребует уничтожения ливийской системы ПВО. Таков метод создания подобных зон“.*

(6) *“There are a lot of weapons in Libya. According to estimates from the US Defence Department there could be as many as 20,000 surface-to-air missiles. I underline that NATO and not only NATO has already worked in other countries to secure areas where there have been dangerous weapons.”*

В обоих примерах речь идет о возможной угрозе применения системы ПВО, а именно обозначенного количества ракет «земля — воздух». Таким образом, использование данных военных терминов в дискурсе предопределяется условиями конкретной текущей ситуации.

Использование общих понятий. Значимым, на наш взгляд, представляется и тот факт, что в политическом дискурсе при построении высказывания предпочтение отдается военным терминам, вербализующим общие понятия, а не единичные. В научном же дискурсе, естественной области функционирования терминов, напротив, при обмене информацией между специалистами точность играет ключевую роль. Такой подход к использованию специализированной лексики в политическом дискурсе продиктован рядом причин. С одной стороны, использование общих понятий позволяет избежать излишней конкретики в сообщении, которая бы отвлекала внимание от основной идеи или замысла. С другой стороны, термины, вербализующие единичные понятия, могут быть просто неизвестны и непонятны целевой аудитории коммуникантов, не являющихся специалистами в области военного дела. Проиллюстрируем вышесказанное следующим примером.

(7) *Mr Hansen thinks “Norwegian troops will more likely be part of a stabilising force. Even though it will be a while before we see the effect of helicopter gunships, the fighting will go on, and resistance fighters will use the vacuum created when Gaddafi falls to increase their position. There have also been some signals from the US it will be carrying out a substantial withdrawal this summer,” he says, stating, “the third phase will be rebuilding, requiring the mandate to be changed.”*

Используемый в речи политика военный термин *troops* — ‘вооруженные силы, войска’ — не раскрывает, какого рода войска (воздушно-десантные, бронетанковые, моторизованные или какие-либо другие) задействованы в операции. Хотя очевидно, что участие в боевых действиях принимают не все подразделения регулярных и нерегулярных войск, задача со-

общения заключается не их выявлении, а в демонстрации, что они могут сыграть важную роль в стабилизации ситуации. То же самое можно сказать и об употреблении термина *helicopter gunship* — ‘тяжеловооруженный вертолет’. Конкретный вид используемой боевой техники не существен для неспециалиста, а термин для его обозначения может быть даже неизвестен, тогда как профессионалу он сообщает необходимую информацию об оснащении и тактических возможностях. Таким образом, термины, вербализующих общие понятия, позволяют сформулировать стратегию взаимодействия, которая, несомненно, определяется на политическом уровне, тогда как непосредственные вопросы тактики являются уделом специалистов.

Еще одной существенной особенностью использования военных терминов в политическом дискурсе является **несистемное восприятие** вербализуемых понятий. Для специалиста термин всегда является частью слаженной системы научного знания и раскрывает содержание понятия в его взаимосвязи со смежными понятиями. Содержание понятия, таким образом, создает вокруг термина предполагаемый или ожидаемый контекст. В следующем примере показано, как используемые военные термины в военном дискурсе системно и понятийно связаны между собой:

(8) *On March 16, 1967, Captain Robert Salas stationed at Malmstrom Air Force Base described the incident as follows: “I was ... on duty at Oscar Flight as part of the 490th strategic missile squad and there are five launch control facilities assigned to that particular squadron.... These weapons were Minuteman One missiles and were of course nuclear-tipped warhead missiles... this incident was of extreme concern to SAC headquarters because they couldn't explain it”.*

Военные термины в политическом дискурсе, напротив, в большинстве своем не предполагают системного восприятия и необходимы для реализации речевых стратегий, например «убеждения», или частных коммуникативных задач, как показано в следующем примере:

(9) *„Как вы знаете, Россия уже поставила в Венесуэлу самые эффективные в мире мощные боевые авиационные комплексы, тяжелые истребители Су-30 и другую военную технику по ценам ниже мировых“, — напомнил Путин.*

Перечисляемые понятия оторваны от контекста и не призваны раскрывать свое содержание полностью. Таким образом, их использование сводится к необходимости проиллюстрировать примером, что качественная техника была продана по сниженным тарифам.

Использование синонимов, профессионализмов, описательных оборотов. В политическом дискурсе использование синонимов общеупотребительной или специализирован-

ной лексики, описательных оборотов вместо терминологической единицы обогащает речь, позволяет избежать явного повтора и употребления непонятных слушателю узкоспециализированных терминов, без ущерба для логики и смысла сообщения. Следующий пример иллюстрирует использование синонимичных терминов *troops* и *forces* в контексте одного высказывания:

(10) *"Is an intervention on the ground by NATO forces possible later and if so under what conditions?" «We don't see, or to be more exact we exclude, the possibility of troops under NATO command, even in the post-Gaddafi period. And I don't think the UN's plans include this option.»*

В следующем примере вместо термина *kinetic bombardment* используется описательный оборот, раскрывающий его суть, а именно «нанесение бомбовых ударов с орбиты земли»:

(11) *"We haven't reached the point of strafing and bombing from space," said Pete Teets.*

Употребление военных терминов в политическом дискурсе позволяет решить ряд коммуникативных задач, в частности реализовать одну из важных коммуникативных стратегий — «убеждение». Именно апелляция к современным военным реалиям в контексте сообщения является эффективным инструментом при оказании политического давления или его сдерживании, привлечении новых союзников и манипулировании сознанием общественности. Очевидно, что для осуществления данных коммуникативных задач политические лидеры прибегают к конкретному корпусу терминов, вербализующих понятия о новейших рассекреченных военных разработках, оружии, представляющем реальную угрозу на сегодняшний день. Таким образом, наиболее частотными являются термины, вербализующие общие понятия, известные неспециалистам, об оружии, наносящем наибольший ущерб, например об оружии массового поражения. За рамками данного корпуса специализированной лексики остаются термины, исключающие возможность оказания необходимого воздействия, например единицы, вербализующие огнестрельное оружие пехоты. В зависимости от позиции коммуниканта для реализации данной стратегии с употреблением военной терминологии используются две речевые тактики — «запугивание» и «демонстрация превосходства», например:

(12) *О том, что угрозы не только остаются, но и множатся, напоминал год назад в Праге Барак Обама: „Технологии сооружения ядерной бомбы расползаются. Террористы твердо намерены приобрести такую бомбу, построить ее сами или попросту украсть. Основой наших усилий по сдерживанию таких намерений является глобальный режим нераспространения, но по мере того, как все новые нации и народы нарушают эти правила, мы можем подойти к точке, когда основа не выдержит.“*

(13) *Senator Joseph Lieberman declares: "Every day Saddam remains in power with chemical weapons, biological weapons, and the development of nuclear weapons is a day of danger for the United States."*

Поскольку в данном случае речь идет об оружии, предположительно находящемся в руках потенциального противника, использование военных терминов предполагает реализацию речевой тактики «запугивание». В следующем примере необходимый эффект достигается через сравнение разрабатываемых видов космического оружия с разрушительной силой ядерного оружия со ссылкой на прискорбный опыт его применения.

(14) *"The psychological impact of such a blow might rival that of such devastating attacks as Hiroshima," they stated. "But just as the unleashing of nuclear weapons had unforeseen consequences, so, too, would the weaponization of space."*

В тех случаях, когда речь идет об оружии, находящемся в распоряжении военных сил своей страны, термины используются для реализации речевой тактики «демонстрация превосходства», что, с одной стороны, успокаивает и вызывает чувство защищенности, а с другой — создает положительное впечатление собственной значительности и ответственности за происходящее, например:

(15) *"As the only nuclear power to have used a nuclear weapon, the United States has a moral responsibility to act. We cannot succeed in this endeavor alone, but we can lead it; we can start it," Obama said.*

Как уже было показано ранее, военные термины используются для иллюстрации примерами сообщения или описания событий, если существует необходимость раскрытия или обоснования стратегических действий сторон, например:

(16) *"So today, I state, clearly and with conviction, America's commitment to seek the peace and security of a world without nuclear weapons," Obama said.*

Таким образом, использование военной терминологии в политическом дискурсе имеет ряд особенностей, среди которых: использование смежных понятий сферы военного дела и политики; временная и пространственная соотношенность, предполагающая обращение к ограниченному корпусу терминов, вербализующих современные виды оружия и тактики; тенденция к использованию в речи известных широкой аудитории родовых терминов, вербализующих общие понятия, описательных оборотов вместо узкоспециализированных терминологических единиц, а также синонимов специализированной и общепотребительной лексики; несистемное восприятие понятий. Военные термины в современном политическом дискурсе используются в рамках коммуникативной стратегии «убеждение», для реализации кото-

рой применяются речевые тактики «запугивание» и «демонстрация превосходства». Также специализированная лексика употребляется для иллюстрации, при описании произошедших событий или обосновании тактических шагов, предпринятых в рамках реализуемой масштабной политической стратегии или замысла.

ЛИТЕРАТУРА

- Акаева Э. Д. Реализация когнитивной стратегии «убеждение» в медицинском дискурсе // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 604—606.
- Андреев В. С. Развитие образной системы Г. В. Лонгфелло // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 534—536.
- Валеева А. Е. О когнитивных аспектах политического дискурса // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 541—543.
- Вацковская И. С. Когнитивный аспект исследования дискурса СМИ // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 543—545.
- Гарская Л. В. Когнитивный аспект текстов массовой информации (на материале англоязычной прессы) // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 546—548.
- Грибова М. В. Фреймовое представление семантики рекламного текста // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2010. С. 166—168.
- Григорьева В. С. Тематическая организация диалогического дискурса // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 184—190.
- Давыденкова О. А. Репрезентация концепта КРАСОТА в английском рекламном тексте (на примере рекламы косметики) // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2010. С. 166—168.
- Егорова О. С. Общеинформативные типы диалогических единств в сказочном дискурсе // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 556—558.
- Золоторева Е. Н. Рекламный текст как реализация одной из моделей социально-политической коммуникации // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 113—119.
- Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты* : сб. обзоров. — М., 2000. С. 7—25.
- Лату М. Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Ростов н/Д, 2009.
- Наумова Д. В. Когнитивные аспекты философского дискурса И. Г. Фихте // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 573—575.
- Паули Ю. С. О когнитивной функции анафонической доминанты в дискурсе Н. А. Бердяева // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 579—582.
- Пискунова С. В. Когнитивные аспекты в анализе поэтического текста // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 582—585.
- Плотникова А. В. Дискурсивная и регулятивная роль диалогического повтора // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 264—270.
- Плотникова С. Н., Домышева С. А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // *Политическая лингвистика*. 2009. Вып. 1 (27). С. 104—109.
- Ракитина Н. Н. Когнитивный аспект исследования аббревиатур в политическом дискурсе // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2010. С. 449—451.
- Рябова Г. Н. О средствах выражения актуального членения предложения в поэтическом дискурсе // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 505—507.
- Рудакова О. Г. LEFT/RIGHT как средства смыслообразования в математическом дискурсе // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2010. С. 544—548.
- Самойлова А. Д. Проповеднический дискурс: определение с опорой на конститутивные признаки // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 587—590.
- Саркисян М. Р. Опыт моделирования структуры и содержательного наполнения концепта SPIRITUALITY (ДУХОВНОСТЬ) // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 590—592.
- Силантьев А. Н. Дискурс духовности ОБЭРИУ // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 129—135.
- Сунгуртян К. К. Лингвориторические средства выражения духовности в эзотерическом дискурсе Елены Рерих // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 135—145.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта ; Наука, 2006.
- Ширяева Т. А. Тема-рематическое структурирование делового дискурса // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 190—197.

ИСТОЧНИКИ

Examiner.com. URL: <http://www.examiner.com/exopolitics-in-honolulu/obama-s-zero-nuclear-weapons-speech-extraterrestrial-ufos>.

The Foreigner. URL: <http://theforeigner.no/pages/news/defence-minister-discounts-libya-ground-troops/>.

Reuters. URL: <http://www.reuters.com/article/2011/08/08/us-afghanistan-violence-idUSTRE7750UW20110808>.

Rotten.com. URL: <http://www.rotten.com/library/history/war/wmd/saddam/>.

Euronews. URL: <http://ru.euronews.net/2011/03/10/diplomacy-continues-over-libya-no-fly-zone/>.

Euronews. URL: <http://www.euronews.net/2011/08/26/what-will-nato-s-role-be-in-a-post-gaddafi-libya/>.

The Foreigner. URL: <http://theforeigner.no/pages/news/defence-minister-discounts-libya-ground-troops/>.

Examiner.com. URL: <http://www.examiner.com/exopolitics-in-honolulu/obama-s-zero-nuclear-weapons-speech-extraterrestrial-ufos>.

Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/news/2010/04/03/goon/>.

Euronews. URL: <http://www.euronews.net/2011/08/26/what-will-nato-s-role-be-in-a-post-gaddafi-libya/>.

CommonDreams.org. URL: <http://www.commondreams.org/headlines05/0518-02.htm>.

Euronews. URL: <http://ru.euronews.net/2010/04/13/experts-say-nuclear-warnings-are-for-everyone/>.

Rotten.com. URL: <http://www.rotten.com/library/history/war/wmd/saddam/>.

CommonDreams.org. URL: <http://www.commondreams.org/headlines05/0518-02.htm>.

Radio Free Europe/Radio Liberty. URL: http://www.rferl.org/content/Obama_Calls_For_Elimination_Of_Nuclear_Weapons_In_Prague_Speech/1602285.html.

Radio Free Europe/Radio Liberty. URL: http://www.rferl.org/content/Obama_Calls_For_Elimination_Of_Nuclear_Weapons_In_Prague_Speech/1602285.html.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова